

А.Б. Криницын

О СЧАСТЬЕ И РАДОСТИ В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

Издательский Дом ЯСК

Москва 2022

УДК 82

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1–8 Достоевский Ф. М.

К 82

Рекомендовано к печати Ученым советом
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филол. наук, проф. *В. Л. Коровин*
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

доктор филол. наук, проф. *В. М. Гуминский*
(ИМЛИ РАН)

Криницын А. Б.

К 82 О счастье и радости в мире Достоевского. — М.: Издательский
Дом ЯСК, 2022. — 328 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907498-29-7

Главную часть книги составляют два тесно связанных между собой исследования: «Радость и счастье у Достоевского», обращающееся к духовной первооснове философии писателя, и «Достоевский и Шиллер», где обстоятельно, с опорой на немецкий оригинальный текст, описывается творческий диалог Достоевского с важнейшим для него европейским автором, под влиянием которого сформировалось его мировоззрение. Дополняют содержание книги статьи разных лет, трактующие психологизм образов Достоевского и его творческие связи с проблематикой европейского романтизма.

УДК 82

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1–8 Достоевский Ф. М.

В оформлении переплета использованы картины:

*Я. Тинторетто «Христос на море Галилейском», К. Лоррен «Асис и Галатея»;
портрет Ф. М. Достоевского 1879 г.*

ISBN 978-5-907498-29-7

9 785907 498297 >

© А. Б. Криницын, 2022

© Издательский Дом ЯСК, 2022

*Марии, Варваре и Федору
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

РАДОСТЬ И СЧАСТЬЕ У ДОСТОЕВСКОГО	7
ВВЕДЕНИЕ	7
I. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ	
счастья/радости и несчастья/грусти в прозе Достоевского	11
Понятийный анализ лексем счастья/радости	
и несчастья/грусти в прозе Достоевского	17
Проекция статистических данных	
на проблематику произведений	28
II. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ РАДОСТИ И СЧАСТЬЯ У ДОСТОЕВСКОГО	31
Проблематика творчества 1845–1865 годов	31
III. РОМАНЫ «ПЯТИКНИЖИЯ»: ПОИСКИ РЕЛИГИОЗНОГО ИДЕАЛА	51
«Преступление и наказание»:	
завершение «петербургской» тематики	51
«Идиот». Счастье через жертву	54
Рай в экстатическом озарении припадка	62
«Пир и хор» жизни: вечное единение с природой	66
«Кроткая»: счастье через отчаяние	71
«Бесы» и «Подросток»:	
нигилистическое и народное понимание счастья	73
«Сон смешного человека» как окончательно	
сформированный идеал «райской гармонии»	81
Идея обожения в позднем творчестве Достоевского	89
«Братья Карамазовы»	93
ИТОГИ	103
Приложение: О «фихтеанстве» Достоевского	108
ДОСТОЕВСКИЙ И ШИЛЛЕР	115
ВВЕДЕНИЕ	115
I. ИДЕАЛЫ	130
Какая красота спасет мир?	130
К генезису образов Катерины и Настасьи Филипповны:	
«Die Künstler» Ф. Шиллера	136

<i>Любовь как всеобщая связь</i>	139
<i>Золотой век и всемирная гармония</i>	143
<i>Маркиз Поза и Мышкин: поиски Человека</i>	152
II. БУНТАРСТВО	157
«Высунуть язык Шиллеру».....	157
«Женищина поняла женщину».....	167
«Удовольствие от трагического» <i>versus</i> удовольствия от страдания	170
<i>О благородных разбойниках, предателях и убийцах</i>	175
<i>Преступник из-за потерянной чести</i>	181
<i>Человеконенавистник</i>	185
<i>Тема свободы и необходимости у Шиллера</i> <i>и в «Записках из подполья»</i>	188
«Возвышенный» бунт Ипполита: <i>свобода перед лицом природы ...</i>	191
III. «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» ПОД ЗНАКОМ ШИЛЛЕРА	203
«Разбойники» в «Братьях Карамазовых»	203
Иван	207
Дмитрий.....	219
Алеша.....	234
СЮЖЕТНО-МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОВЕСТИ	
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЧНЫЙ МУЖ»	240
<i>А был ли тип?</i>	242
<i>Ночь и день.....</i>	247
<i>Призрачное видение и его семантика.....</i>	249
<i>По мотивам «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина</i>	256
<i>Двойники.....</i>	260
<i>Недоговоренная предыстория</i>	269
«Бедная Лиза».....	271
«Вечный муж» как послесловие к «Преступлению и наказанию»..	279
«ЖАН СБОГАР» Ш. НОДЬЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	285
ФУНКЦИЯ И ИДЕЙНЫЙ СМЫСЛ ОБРАЗА ЛЕБЕДЕВА В РОМАНЕ «ИДИОТ».....	309
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	324

РАДОСТЬ И СЧАСТЬЕ У ДОСТОЕВСКОГО

«Древняя трагедия — богослужение, а Шекспир отчаяние. <...> Шекспир наших времен тоже вносил бы отчаяние. Но во времена Шекспира была еще крепка вера. Теперь же все действительно хотят счастья... Общество не хочет Бога, потому что Бог противоречит науке. Ну вот и от литературы требуют плюсового последнего слова — счастья...

Если хотите, человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас сделается глубоко несчастлив».

(Из записной книжки 1876 г. — 24; 161¹).

Введение

Задачей данной работы будет проследить видоизменение понимания счастья и путей его достижения в важнейших художественных текстах писателя, исходя из анализа словоупотребления лексем спектра *грусти/радости* и определения их смысловой эволюции.

Заняться этой темой нас побудили несколько парадоксов художественного мира Достоевского. Его зачастую считают одним из самых «мрачных» авторов в связи с его попытками исследовать «темные» стороны и глубины человеческого сознания. Он привычно характеризуется эпитетами «жестокий талант», «болезненный гений», герои которого постоянно пребывают в кризисе, мучаются от отчаяния и безысходности, покушаются на убийства и

¹ Здесь и далее текст Достоевского цитируется по ПСС в 30 т. Л., 1971–1990, с указанием в круглых скобках тома, затем, через точку с запятой, страницы. В цитатах выделения полужирным шрифтом принадлежат мне (А. К.), а курсивом — автору цитаты.

самоубийства. Вместе с тем главным итогом творчества писателя становятся «Братья Карамазовы» с его философией радости (символически воплощенной в оде «К радости» Ф. Шиллера), на которой Достоевский выстраивает свою теодицею. Любовь к «живой жизни», всепрощение, восторженное умиление перед людьми и природой, согласно проповеди старца Зосимы («Жизнь есть великая радость, а не смирение слезное» — 14; 301), становятся единственно верным путем богопознания.

Вопрос о счастье имеет для писателя кроме личного, общественно-политическое измерение: «Первый вопрос есть определение: в чем **счастье**? Он не только не решен цивилизацией, но еще более запутан» (11; 193). «Из сознания: в чем счастье? — следует и устройство общества» (11; 186). Также и высказывании, взятом нами в эпиграф, Достоевский прямо обозначает поиски счастья главной темой современной литературы.

В прозе Достоевского аксиология *счастья/несчастья* непрерывно растет в значимости, начиная с 1840-х годов. Ею обусловлена религиозная проблематика поздних произведений: начальной основой религиозного чувства Достоевский полагал вековую тоску человечества по *земному раю*². Именно во имя счастья человечества восстает на Христа Великий Инквизитор, кончает с собой Кириллов, строит планы по разрушению России Петр Верховенский.

Два романа уже по заглавию недвусмысленно обозначают своей главной темой непреодолимое *несчастье* героев («Бедные люди» и «Униженные и оскорбленные»). Однако первая фраза «Бедных людей» (а соответственно — и всего творчества писателя) парадоксально противоречит заглавию: «Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!»³ (1; 13). Однако последнее письмо горестно противоречит первому: «Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья!» (1; 107).

Очень часто мотив счастья акцентируется в финалах дальнейших произведений, как например, в «Белых ночах»: «...да будешь ты благословенна за минуту **блаженства и счастья**, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу! Боже мой! Целая минута **блаженства**! Да разве этого мало хоть бы и на всю

² Об идеале земного рая у Достоевского см. подробнее: *Криницын А. Б.* Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 62–96 (Глава II. Герой-идеолог).

³ Речь идет о том, что Варенька зацепила за цветок угол занавески в окне, что он истолковал, ошибочно, как знак любви.

жизнь человеческую?..» (2; 141). Роман «Униженные и оскорбленные» подытоживает безнадежная реплика Наташи: «Ваня, зачем я разрушила твоё **счастье**? / И в глазах ее я прочел: “Мы бы могли быть навеки **счастливы** вместе!”» (3; 442). Самым ярким (но не единственным) примером из «пятикнижия» может служить финал «Преступления и наказания»: «В глазах ее засветилось **бесконечное счастье**; <...> Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько **нестерпимой муки** и столько **бесконечного счастья**!» (6; 421). Наконец, на обетовании уже *бесконечного* счастья воскресения заканчиваются «Братья Карамазовы» — *последний* текст Достоевского: «Неужели и вправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга? <...> — Непременно восстанем, непременно увидим и **весело, радостно** расскажем друг другу всё, что было, — полусмеясь, полу в **восторге** ответил Алеша» (15; 197).

Уже по данным важным маркерам видно, что в категориях *счастья/страдания* оцениваются и результируются все свершения, переживания и духовные поиски героев. Объясняется это и особенной природой их идей, в основе которых лежит *чувство*⁴ — неотразимо сильное впечатление-созерцание, порожденное вначале неким мучительным страданием, отталкиваясь от которого герой *чувствует* свой идеал — состояние совершенного, всеискупающего *счастья*. Так, Версиров, покинув Россию и оставив Софью, во время своих скитаний по Европе неожиданно видит сон о Золотом веке: «Ощущение **счастья**, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была всечеловеческая любовь» (13; 375). Первоначальное переживание оформляется в сознании как некий концептуальный образ (далее — *концепт*) счастья, проект достижения которого становится *идеей*. Таким образом, каждая подобная *идея* — вначале узел трагических и радостных переживаний, и лишь потом — мировоззренческая система. Исследование мотивов *грусти/радости* и *счастья/несчастья*

⁴ Об *идее-чувстве* в «Бесах» говорит Кириллов «“Мысль почувствовали”? — Переговорил Кириллов. — Это хорошо. Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые» — 10; 187). О природе идей Достоевского подробнее см.: Кривицын А. Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М., МАКС Пресс, 2001. С. 43–62 (Глава II. Герой-идеолог. § 1. Зарождение «последней идеи»).

приобретает первостепенное значение для понимания не только психологизма, но и поэтики и проблематики Достоевского.

О идеологеме *счастья* у Достоевского написано одновременно очень много и очень мало. При первом приближении, редкая работа о религиозных взглядах Достоевского обходится без общеизвестных формул из публицистики, записных книжек и писем писателя, таких, как: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием» (7; 155); «Если хотите, человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив» (Записная тетрадь 1875–1876 гг. (ЗТ1) — 24; 161), а также изречений старца Зосимы о «радости». Но как правило, эти работы трактуют тему счастья в общем контексте богословской проблематики или же сосредотачиваются на диалектике страдания, как, например Х. Л. Ф. Лопес.⁵ Исследований, где понятие счастья или радости ставилось бы во главу угла, почти нет — вследствие ее очевидности и неисчерпаемости одновременно. Нам удалось обнаружить только статью Дедюхиной О. В.,⁶ в рамках доклада на научном симпозиуме, которая, при своей правомерности, является лишь началом разработки обширной темы. Ближе подходит по тематике работа А. Е. Кунильского,⁷ где делается ряд важных наблюдений над развитием интересующих нас мотивов в «Бедных людях», однако *радость* и веселье рассматриваются у него главным образом в контексте смеха и комизма у Достоевского. В статье Р. О. Мазель указывается на религиозную подоснову *счастья* у позднего Достоевского («Самое главное счастье для человека — в любви»⁸) и приводятся ключевые сцены достижения его персонажами, однако практически без их анализа.

Активно оперирует понятием счастья при разборе поэмы о Великом инквизиторе литовский богослов А. Мацейна, справедливо видя его ключевым в рассуждениях Ивана. Но при этом А. Мацейна исходит в своих рассуждениях из общепринятой богословской трактовки счастья, данной Боэцием, Фомой Аквинским и бл.

⁵ Лопес Х. Л. Ф. От страдания к счастью и от счастья к страданию // Достоевский и мировая культура. Альм. № 3. М., 1994. С. 62–71.

⁶ Дедюхина О. В. Мотив радости в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 1 (2). С. 239–242.

⁷ Кунильский А. Е. Смех, радость и веселье в романе «Бедные люди» // Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина»: О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск, 2006. С. 71–100.

⁸ Мазель Р. О. Сцены счастья в романах Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Т. 11. Петрозаводск 2013. С. 175.

Августином.⁹ Следует признать, что она оказывается вполне рабочей при описании теодицеи Достоевского, но по факту А. Мацейна не столько стремится понять специфику мировоззрения самого писателя, сколько опереться на его аргументацию при обосновании католического вероучения.

Не существует даже полноценного исследования роли «Оды к радости» Шиллера в идейной структуре «Братьев Карамазовых», за исключением нескольких страниц в монографии А. Лингстад.¹⁰

Для того чтобы проследить эволюцию понимания *счастья* и *радости* во всех романах и философски важнейших повестях писателя, мы изучили сперва словоупотребление основных лексем данной семантической группы, а затем — и их антонимов («страдания» и «мучения»), в связи с неизменной контекстуальной взаимосвязанностью первых и вторых («Les extrémités se touchent», соответственно излюбленному Достоевским афоризму Б. Паскаля — 8; 338).¹¹ По формуле самого писателя: «Всякое великое **счастье** носит в себе и некоторое страдание, ибо возбуждает в нас высшее сознание» («Дневник писателя», 26; 110); или же: «...человеку кроме счастья так же точно и совершенно во столько же необходимо и несчастье!» (10; 172). Однако тема страдания сама по себе оставалась для нас вторичной, ибо она не менее обширна и куда лучше освещена исследователями.

1. Статистический анализ лексико-семантических полей счастья/радости и несчастья/грусти в прозе Достоевского

Используя количественный метод, мы выбрали примерно одинаковое число главнейших лексем обеих семантических групп (*счастья/радости* и *несчастья/грусти*) и вычислили вначале их абсолютную частоту — их буквальное количество во взятых для рассмотрения произведениях (при этом исключались из расчета

⁹ «“Omnium bonorum tota simul et perfecta possessio” — обладание всеми благами совокупно, всецело и одновременно» — Мацейна, Атанас Великий инквизитор. СПб.: Алетейя, 1999. С. 191.

¹⁰ Lyngstad, Alexandra H. Dostoevskij and Schiller. Slavistic Printings and Reprintings, 303. The Hague and Paris: Mouton, 1975. pp. 59–66.

¹¹ Крайности сходятся (*фр.*). Цитируется Достоевским в романе «Идиот» (8; 338).

контексты, в которых лексема теряла свою первичную семантику: например, в формулах приветствия и вежливости («очень рад!») или в устойчивых метафорических выражениях типа «отчаянный шум», вместе с тем все иронические употребления слов учитывались), после чего вычислялась относительная частота — процентное соотношение лексемы по отношению к количеству всех слов данного текста путем деления количества словоупотреблений лексемы на общее количество слов в тексте). Для наглядности все относительные частоты изображены помноженными на 10 000 (то есть 2,548 вместо 0,0002548).

Лексемы расположены в порядке убывания их относительной частоты во всей сумме исследуемых текстов. Лексемы *грусть* и *печаль* даны суммированно в одной строке потому, что почти не различимы по значению, а отдельно *печаль* зачастую представляет ничтожную величину. Наоборот, *радость* и *радоваться* разделены, потому что *радость* как существительное оказывается эмоционально ярче и приобретает обобщенный философский смысл. По романам «пятикнижия» видно, как *радость* постоянно растет в значимости, в то время как более нейтральное *радоваться* сохраняет одинаковую абсолютную частоту во всех романах).

Необходимо сразу оговориться, что сопоставительная парадигма относительных частот оказывается тем показательней и объективней, чем большего объема текст: в кратких текстах не может быть значительной дифференциации количества словоупотреблений лексем, и даже одно- или двухкратное употребление лексемы отражается сравнительно большей ее относительной частотой, чем многократное в романе. Поэтому нам пришлось исключить из рассмотрения такие произведения, как «Кроткая», «Хозяйка», несмотря на их первостепенную важность для картины мира Достоевского.

Следовательно, результаты по повестям не до конца правомерно рассматривать в одной шкале с романами. Но остается показательным соотношение частотности различных лексем внутри произведения. Поэтому мы разделили исследуемые тексты на три группы: 1) значительные по объему романы «пятикнижия» (в то же время наиболее значимые по концептуальному наполнению лексем); 2) предшествующие «пятикнижию» романы и крупные повести (из них лишь роман «Униженные и оскорбленные» по объему сопоставим с «пятикнижием», но по проблематике он близок к более ранним романам); 3) повести, уступающие по объему наименьшему из романов — «Бедным людям». Сопоставление

данных групп между собой возможно, но с учетом неизбежных искажений данных статистики текстов малого объема в сторону преувеличения. Так, мы поместили в таблицах данные по «Униженным и оскорбленным» рядом с данными по «пятикнижию» для удобства их дополнительного сопоставления.

Таблица 1. Абсолютная частота лексем в произведениях.*

	БН	ЗП	ССЧ	БЛ	ССт	Игрок	УиО	ПН	Идиот	Бесы	Пк	БК
счастье/ счастливый	34	22	13	50	70	15	94	68	115	68	84	125
веселый/ веселиться	16	8	4	41	40	16	63	45	74	100	116	160
радость/ радостный +радоваться	14 1	4 4	8 1	25 4	13 28	9 4	39 34	23 24	48 32	39 24	39 21	138 34
восторг	11	5	7	9	35	7	46	29	45	70	52	97
блаженство	4	4	1	—	3	—	5	2	3	14	4	21
наслаждение	1	24	—	2	8	12	27	21	18	27	16	18
упоение	1	2	—	(1)	1	—	4	—	12	12	5	3
восхищение	—	—	1	1	2	1	1	—	1	6	13	17
мучение	1	34	14	32	11	12	75	150	112	68	89	282
несчастье	7	8	2	25	28	15	43	53	72	74	68	106
страдание	2	24	11	15	29	2	27	82	57	52	36	128
грусть+печаль	15+ 2	2	3+1	55+3	12+3	5+2	41+1	31	47+6	24+2	43+8	56
отчаяние	2	10	2	10	26	9	20	51	28	58	12	58
тоска	17	11	7	24	10	4	51	32	37	22	36	42
горе	4	10	2	5	23	1	26	13	16	22	12	86
скорбь	—	—	7	1	3	1	1	16	13	11	5	12

*Сокращения, используемые в таблицах и в дальнейшем в статье: БН — «Белые ночи»; ЗП — «Записки из подполья»; БЛ — «Бедные люди»; С.Ст — «Село Степанчиково»; ССЧ — «Сон смешного человека»; УиО — «Униженные и оскорбленные»; ПН — «Преступление и наказание»; Пк — «Подросток»; БК — «Братья Карамазовы»; ДП — «Дневник писателя».

Таблица 2. Относительная частота словоупотребления тех же лексем.

	БН	ЗП	БЛ	ССт	Игрок	УиО	ПН	Идиот	Бесы	Пк	БК
счастье/ счастливый	19,454	6,158	<u>11,865</u>	10,225	<u>3,185</u>	7,7	3,857	<u>5,366</u>	3,336	4,31	4,14
веселый/ веселиться	9,154	2,24	<u>9,729</u>	5,842	3,4	5,153	<u>2,552</u>	3,78	4,906	<u>5,954</u>	5,3
радость +радоваться	8,01 0,572	1,12 1,12	<u>5,932</u> <i>0,95</i>	1,898 <u>4,09</u>	<i>1,91</i> <u>0,85</u>	3,19 2,781	<u>1,304</u> 1,36	2,24 1,493	1,913 1,177	2 1,077	<u>4,57</u> 1,125
восторг	6,293	1,4	2,135	<u>5,112</u>	<u>1,486</u>	3,763	1,645	2,1	<u>3,434</u>	2,67	3,21
блаженство	2,288	1,12	—	0,438	—	0,41	0,113	0,14	0,686	0,205	<u>0,695</u>
наслаждение	0,572	6,718	<i>0,464</i>	1,168	<u>2,548</u>	2,21	1,19	0,886	<u>1,324</u>	<i>0,82</i>	<u>0,595</u>
упоеание	0,572	2,24	0,232	0,146	—	0,327	—	0,56	<u>0,588</u>	0,256	0,1
восхищение	—	—	0,237	0,292	0,212	0,08	—	0,04	0,294	<u>0,667</u>	<u>0,562</u>
мучение	0,572	9,518	7,593	<u>1,606</u>	2,55	6,135	8,51	5,226	3,336	4,568	<u>9,336</u>
несчастье	4,005	2,24	<u>5,932</u>	4,09	3,185	3,517	<u>3</u>	3,36	3,63	3,5	3,51
страдание	1,144	6,718	3,56	4,236	<u>0,424</u>	2,208	<u>4,65</u>	2,752	2,552	<i>1,847</i>	4,24
Грусть +печаль	9,727	2,24	<u>13,763</u>	2,19	<i>1,486</i>	4,58	1,758	2,473	<u>1,275</u>	<u>2,617</u>	1,854
отчаяние	1,144	2,8	2,373	<u>3,8</u>	1,91	1,636	<u>2,893</u>	1,306	2,845	<u>0,615</u>	1,92
тоска	9,727	3,08	<u>5,695</u>	1,46	0,85	4,172	1,815	1,726	1,08	2,155	1,39
горе	2,288	2,78	1,186	<u>3,359</u>	<u>0,212</u>	2,126	0,737	0,746	1,08	<i>0,615</i>	2,847
скорбь	—	—	0,232	0,438	0,212	<u>0,08</u>	<u>0,907</u>	0,606	0,54	0,256	0,4

Ради вящей наглядности мы обозначили в таблице максимальные значения процентных долей (не более двух в каждой подгруппе) — жирным шрифтом, а абсолютный процентный максимум (в подгруппе или в целом по таблице) — жирным шрифтом с подчеркиванием. Минимальные доли по тому же принципу выделяются курсивом, абсолютные минимумы (в целом по таблице) — курсивом с подчеркиванием.

Основные выводы по таблице 2 следующие:

— Абсолютные максимумы употребления как позитивных, так и негативных лексем сосредоточены в первом романе — «Бедных людях». Немного отстаёт от него «Село Степанчиково».¹² В поздних произведениях писатель становится значительно сдержаннее в живописании эмоций своих героев.

— Лексема *счастье* достигает максимальной относительной частоты в трех ранних текстах — БЛ, ССт и УиО.

— Для всех исследуемых произведений опорными лексемами позитивного спектра являются *счастье*, *радость*, *веселье* и *восторг*, чьи количественные показатели на порядок превышают данные по остальным лексемам.

— Если рассмотреть отдельно романы «пятикнижия», то в каждом из них (кроме ПН) преобладает одна из этих четырех лексем, являя свой абсолютный максимум. Это свидетельствует, что она является эмоциональной доминантой, разрабатываемой автором художественно и философски. В «Идиоте» — это *счастье*, в «Бесах» — *восторг*, в «Подростке» — *веселье*, в «Братьях Карамазовых» — *радость*. Только проблематика «Преступления и наказания» выстраивается на лексеме отрицательного спектра — *страдании*. Точно так же в «Игроке» разрабатывается психологический концепт *наслаждения*.

— В пределах «пятикнижия» можно отметить почти правильную градацию возрастания от романа к роману относительной частоты *радости*, *блаженства* и *веселья*, и убывания — *скорби*. Скорее всего, это объясняется стремлением Достоевского в 1870-е годы сделать свой художественный мир более «просветленным». Об этом же свидетельствуют возникшие в трех последних романах абсолютные максимумы относительной частоты лексем второго ряда положительного спектра — *наслаждения*, *блаженства*, *восхищения* и *упоения*: писатель явно стремится к художественному разнообразию и обновлению при изображении «счастливых» состояний героев.

— Относительная частота *грусти* значительна в БЛ, БН, УиО, «Идиоте» и Пк, то есть в текстах, где в характере главных персонажей ярко выражена *мечтательность*.

Одна и та же лексема может обозначать чувства и состояния различные по эмоциональному напряжению, как нивелированные

¹² «Белые ночи» и «Записки из подполья» мы не рассматриваем в одном ряду с крупными произведениями по объясненным выше причинам.

в своей амплитуде, так и развернутые до экзистенциальной и философской глубины. Так, эпитеты «радостно», «восторженно» часто прилагаются лишь к проходящей реплике в разговоре. Почти все герои Достоевского, мечтатели и романтики, характеризуются повышенным эмоциональным пафосом при общении, что зачастую интерпретируется иронически окружающими и самим рассказчиком. Однако интенсивность и эмоциональность переживания ими «живой жизни» (даже незначительных встреч и впечатлений) неизбежно приводят к глубине ее переживания, даже если они для виду смеются над ним. Поэтому до конца разграничить «проходящие» контексты словоупотребления от философски значимых не представляется возможным, при этом в поздней прозе количество последних ощутимо нарастает. Если в «Бедных людях» герои не способны ни философствовать, ни даже «литературно» описать свои чувства, то даже экзистенциальные переживания «затушевываются» ими в письмах под «проходящие». Наоборот, в «Братьях Карамазовых» герои имеют склонность в каждом слове разговора и жесте находить глубокое значение.

При общем взгляде на функционирование лексем грусти/радости можно разделить их на чувства, обусловленные сюжетными перипетиями, и переживания экзистенциального характера, порожденные раздумьями о человеческой природе и смысле бытия, поисками красоты и гармонии и т. д. Если в раннем творчестве преобладает (решающе, хотя и не абсолютно) первая группа, то начиная с «Записок из подполья» и «пятикнижия» вторая начинает играть все более значительную роль. В то же время переживания из-за сюжетных перипетий растягиваются во времени и наращивают потенцию философского развития, становясь все более гомогенными с «экзистенциальными».

Если «сюжетные» переживания бывают как горестными, так и радостными, то «экзистенциальные» — на протяжении первой половины творчества являются исключительно отрицательными: герои страдают от осознания бессмысленности мироздания, собственной несвободы и несовершенства. За счет этого и формируется общий негативный баланс эмоций в произведениях. Лишь в самых последних романах («Идиот», Пк, БК) постепенно формируется противоположный эмоциональный тренд — радостного «экзистенциального» приятия мира, но только в «Братьях Карамазовых» он становится соизмерим по значимости с общим негативным настроем. Именно эта тенденция отражена, на наш взгляд, в резком увеличении словоупотребления лексики *радости*.